

УДК 316.47

Этническая и государственная идентичность и межэтническая толерантность населения Республики Татарстан в контексте трансформации политики билингвизма*

Ахметшина А.А.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского
технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Беляев В.А.

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского
технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Статья основана на ряде интервью, проведенных с информантами русской и татарской национальности, имеющими высшее образование разного профиля, в рамках гранта РФФИ и Правительства РТ. Анализ интервью показал наличие у всех информантов прочной этнической идентичности, которая укрепляет межэтническую толерантность при определенных условиях. Республиканская и общероссийская идентификации базируются на примордиалистских и культурных основаниях, при этом основы отождествления информантов с республикой зависят от их национальности, а общегосударственный патриотизм оценивается информантами весьма амбивалентно.

Ключевые слова: этническая и языковая идентичность, примордиалистские и культурные основания идентификации, республиканская и общегосударственная идентичность, способы поддержания межэтнической толерантности.

Начиная с конца 1980-х гг., в ТАССР дискутируется в общественном и научном пространствах проблема идентификации ее жителей с собственным этносом, с республикой и федерацией. Варианты отождествления человека с отдельными общностями и государственными образованиями весьма многообразны, лабильны и способны вступать в перекрестный конфликт друг с другом. В социологической литературе прослеживается некоторый интерес к данной проблематике. Одних ученых больше привлекает общероссийская идентичность как способ поиска общенациональной идеи и гармонизации межэтнических отношений [1-6]. Другие уче-

ные убеждены в том, что между республиканской и этнической (татарской) идентичностью имеется обоюдная зависимость, ибо порознь они существовать не способны [7-9].

Несомненно, в действительности прослеживается явная и устойчивая связь этнической и республиканской (республик в составе РФ) идентичностей. Гораздо более сложной и противоречивой является

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Республики Татарстан в рамках проекта № 18-411-160011 «Социальные и информационно-сетевые аспекты трансформации политики билингвизма в Республике Татарстан в контексте поддержания этнической толерантности населения».

связь и соотношение этих идентичностей с общероссийской. Диахронный анализ демонстрирует усиление перекоса в сторону республиканской и этнической самоидентификации в ущерб общероссийской именно в периоды суверенизации республик, провозглашения и «наполнения» их суверенитета. Общероссийская самоидентификация отодвигает на второй план республиканскую и даже этническую в условиях стабилизации политической и экономической системы, «собираания земель» и, особенно, роста внешних угроз и необходимости ответных мер со стороны РФ. Синхронный же анализ названных идентичностей позволяет утверждать лидерство и первенство Республики Татарстан в рамках обоих разновекторных направлений сдвига идентичностей. Так, Татарстан первым принял Декларацию о государственном суверенитете ТССР еще 30 августа 1990 г. И уже к октябрю 1991 г., по официальным опросам, позиции русских и татар в данном вопросе довольно сильно разошлись. Если среди всего населения Татарстана 48,8 % выступали за сохранение Татарстана в составе РФ и лишь 10,4 % ориентировались на независимость ТССР от РФ, то среди русских соответствующие цифры составляли в октябре 1991 г. 61,6 и 3 %, а среди татар – 37,1 и 18 %. Такое расхождение идентичностей между основными этническими общинами республики представляло определенную угрозу поддержанию этнической толерантности и даже мира, что и проявилось в попытках штурма здания Верховного Совета ТССР 15-16 октября 1991 г. [2].

В дальнейшем, прежде всего после заключения Договора между властями РФ и РТ в 1994 г. рассматриваемое расхождение идентичностей начало быстро убывать. Вместе с тем оно практически свелось к минимуму только в условиях президентства В.В. Путина, популярность которого среди татар сразу стала много выше, чем рейтинг Б.Н. Ельцина и даже местных руководителей. «Крымская весна», война на Донбассе также укрепляли общероссийскую и даже ирредентистскую идентичность и русских, и татар (в Крыму живет родственник татарам крымско-татарский народ, на симпатии которого были надежды у руководства РТ и многих татар).

Новая волна подъема этнической и республиканской идентичностей поднялась после предложения В.В. Путина сделать изучение национальных языков (не русского) добровольным. Если все 2010-е гг. за это более активно выступали русскоязычные граждане, в условиях, когда преподавание татарского языка в школах РТ составляло 6 часов в неделю и зачастую превышало время, отводимое на русский язык, и ущемляло последний (он снизился с общероссийских 1200 часов до 700 в школах), то выступление Президента РФ и последовавшие затем изменения активизировали определенную часть татар на возрождение татарской и татарстанской

идентичностей как способа сохранения и развития татарского языка. Под толерантностью национально ориентированные татары понимают согласие русских изучать и применять татарский язык, тогда как опросы показывают, что знание татарского языка русскоязычными почти не выросло за десятилетия его обязательного изучения в школах (1990-2017 гг.). Кроме того, сохранение и, тем более, развитие этноязыка, на наш взгляд, нецелесообразно и даже опасно ставить в зависимость от требований его тотального изучения и от попыток придания ему функций языка межэтнического общения.

В рамках серии глубинных интервью, проведенных коллективом авторов в августе-ноябре 2018 г., были выявлены некоторые тенденции в формировании этнической и государственной идентичности русских и татар, проживающих в Татарстане. Так, на вопрос «Как Вы относитесь к стране, в которой Вы живете? Хотели бы уехать из нее, если бы была возможность? Куда? Объединяет ли Вас что-то с Россией?» информант № 1 (русский мужчина, 45 лет, образование естественнонаучное) ответил: *«Россия – это родина моя, здесь я родился, живу, здесь предки мои похоронены, здесь дети мои воспитываются, учатся, здесь я работаю, здесь я образование получал. Да, конечно, с Россией меня объединяет многое. Хотел бы я куда-нибудь уехать? Да, хотел бы, любой человек, как мне кажется, хочет куда-нибудь уехать. Пожить, не навсегда уехать, но, допустим, пожить года три в Греции, в Испании, на Кавказе, может быть, на Дальнем Востоке, может быть, в Америку, не на уровне турпоездки, а действительно пожить, узнать воочию любую страну»*. Тем самым интерес к другим странам ограничен любознательностью к образу жизни их жителей, а связь с родной страной информант трактует примордиалистски. Одновременно с этим такой биологизирующий подход у информанта свободно сочетается с социально-политической привязанностью к своей стране, с патриотизмом: *«Положительно отношусь к стране, люблю я свою страну, ну государство, которое сейчас есть, тут, конечно, много вопросов к этому государству, особенно в связи с последними событиями. Мне очень не нравится, что государство хочет поднять пенсионный возраст, это ущемляет людей в их правах, мне очень не нравится, что вырастет НДС, то, что поднимутся цены, а зарплаты не вырастут, – вот это мне очень не нравится. Мне не нравится, что в стране, которая богата ресурсами, которые по Конституции принадлежат народу, этими ресурсами распоряжаются люди в своих интересах, выводят деньги за границу, мне не нравится государственное устройство. Я родился в СССР, где действительно была демократия, где действительно ресурсы принадлежали народу, где разница между доходами была минимальной, эта страна мне нравилась больше»*. Такое объединение

биологических и социально-политических оснований этатистской самоидентификации характерно для большинства людей, сформировавшихся, как и информант, в советское время.

Эти идеи информант развивает, выделяя особенности менталитета российского населения *«На данный момент единственная идея, которая может сплотить народ, она его и сплачивает, – это идея социальной справедливости, она была во все века, она есть, она и будет, другой идеи не надо»*. Именно в русле традиционного российского разведения государства и общества лежат оценки информанта сути патриотизма: *«Если патриотизм определять, как любовь к стране, к народу, населяющему ее, то это один патриотизм, а если определять патриотизм как любовь к власти, то это другой патриотизм»*.

Интересен подход к оценке республиканской идентичности. Информант убежден: *«Татарстан – это неотъемлемая территория России, и у меня различия небольшие, да, Татарстан – моя родина, здесь мои предки жили, здесь они похоронены, но я русский. Татарстан – это моя малая родина, в целом-то Россия – моя родина, ... СССР – моя Родина, я родился в СССР, ... надо помнить историю, у нас вот искусственно замалчивают и переделывают историю – это неправильно»*. Таким образом, республиканская идентичность имеет право на существование лишь в примордиалистском смысле и только при доминировании идентичности общегосударственной. Такая позиция свойственна не только людям с советским менталитетом, но и большинству русских жителей РТ.

Несколько иное мнение, но достаточно типичное для части татар, особенно для «поколения суверенитета», высказала информант № 2 (татарка, 28 лет, образование гуманитарное). В своем интервью одному из авторов статьи она отметила, что *«в результате размышлений последнего года, когда я говорю “Родина”, оказывается, все-таки в первую очередь я подразумеваю малую родину, а именно Татарстан, у меня какой-то такой ассоциации с другими регионами России в принципе нет. В Москве тоже чувствуется... для них Кавказ – это как будто откуда-то кто-то приехал. Оказывается, Татарстан то же самое. То есть, когда у нас там смотрят паспорта и, если там вкладыши, то это значит типа все, иностранец, то же самое дагестанские друзья говорили: “Ага, а где типа ваша виза?”. То есть люди не осознают, что это все Россия. Россия слишком большая, и плюс не до всех уголков доберешься просто так. ... У меня нет ощущения, что это все наше»*. Тем самым информант утверждает, что превалирование республиканской идентичности вызвано как объективными причинами, так и отношением москвичей к регионам, т.е. названная идентичность является производной функцией от идентификации жителей столицы РФ.

На вопрос об отношении к России как к государственному образованию информант говорит: *«Положительного отношения у меня нет. ... Россия для меня такой же агрессор, как и Америка. То есть как Америка своими миротворческими действиями много чего порушила... То есть здесь я уже говорю, как востоковед. То же самое там... Я проходила языковую стажировку годичную в Сирии, то есть Сирия на тот момент была очень такой пророссийской, проукраинской страной, там очень любили тех, кто приезжал из России, а сейчас – нет, не любят, потому что как раз, в том числе они обвиняют Россию в том, что с ними сейчас произошло. ... у них было свое текстильное производство, а теперь эти заводы переведены в Марокко. ... А теперь, вот с этим годом, появился повод не любить федеральные власти за их внутреннюю политику. То есть не скажу, что я люблю местные татарстанские власти, но я люблю Татарстан, потому что это те земли, которые мне близки, которые все эти... лес, реки, все такое»*. Таким образом, неприятие внешней и внутренней политики РФ информантом трансформируется в дистанцирование от российской идентичности, что особо проявилось в следующих ответах.

Так, на вопрос *«Есть ли у Вас желание уехать из России, Татарстана?»* информант ответила: *«Из России – да, из Татарстана – нет. У меня есть желание уехать из России именно как человеку, который пытается быть ученым, потому что я понимаю, что именно как у ученого перспектив мало, ... а как татарстанцу уезжать не хочется, потому что, во-первых, хочется работать у себя, со своими и, наверное, на родной земле, что ли»*. И в ответе на вопрос о необходимости национальной идеи информант заявила: *«Понятно, что сильной идеей бывает какая-то победа, ну, то, что пытается в принципе Россия делать. Там... ну, возвращение Крыма, что-то вот эта национальная идея, там... победа над каким-нибудь врагом. На данный момент я не вижу ничего, что могло бы сплотить всех россиян. Есть огромная масса тех, кто поддерживает такого рода внешнюю политику, и они ей будут рады, но при этом есть значимое количество тех людей, которые откровенно против, соответственно, это совершенно диаметрально противоположные взгляды на все это как бы... я не знаю, как этих людей объединить»*. О степени развитости общегосударственной ориентации свидетельствует и ответ информанта на вопрос *«А чувство патриотизма вообще, как Вы считаете, в обществе сейчас на подъеме?»*: *«Я бы, честно говоря, уточнила бы сначала, что значит “патриотизм”. То есть как бы я лично себя считаю патриотом, но не “ура-патриотом”. Я патриот в том смысле, что мне бы хотелось воздействовать на историю, развитие России на уровне борьбы с коррупцией, ... быть хорошим спе-*

циалистом. ... Чтобы именно качество жизни в России улучшалось. ... То есть речь идет не столько о татарах даже, а именно о русскоговорящем населении. То есть, безусловно, я русскоязычного россиянина намного лучше пойму, чем какого-нибудь англичанина, то есть у нас менталитет одинаковый, то есть... все равно, в этом плане мы едины. Но хотелось бы, чтобы эти люди жили не так как сейчас. Вот я считаю, что это патриотизм, но такого патриотизма, по-моему, его мало». Можно сказать, что информант придерживается общероссийской идентичности, но не отождествляет себя с носителями власти и собственности в стране.

Информант особо уточняет, что республиканская идентичность стала преобладать над общероссийской именно в последний год, при этом особо выделяя общность менталитета всех рядовых жителей России в противовес властям: «Ну, у нас же есть идея супертолерантности, идея многообразного такого, но при этом единого мира, что, типа, мы разные и вместе. Я считаю, что эту идею надо подтверждать, укреплять, иначе по-другому жить все равно не сможем. Иначе... жить нормально мы не сможем на самом деле. И в этом плане любой татарстанец, независимо от его национальности, который любит Татарстан, радуется тому, что он живет в Татарстане, безусловно, он мне близок. В конце концов мы живем в очень крутой республике, начиная от таких простых вещей, как дороги, социальная политика, газификация страны... В этом плане в Татарстане хорошо». В данном контексте именно успехи Татарстана укрепляют гордость за республику. Об этом свидетельствует и ответ на вопрос «Есть какие-то вещи, которые делают для Вас Татарстан родным?»: «Для меня Татарстан – это в первую очередь место, где больше всего сохранились следы развития татарской культуры. ... Та же самая Национальная библиотека, “Хазинэ”. ... Это то, что меня привязывает к этой земле. Плюс вот эта связь с родственниками, деревней», то есть видно, что основаниями республиканской идентичности являются как элементы культуры, так и примордиалистские связи.

В то же время информант четко определяет и негативные явления в РТ: ситуация с «аварийщиками» в Зеленодольске, с детсадами, с бюджетниками, пенсионерами: «У Татарстана есть возможность, для того, чтобы с этими проблемами справиться, но он этого не делает».

Вместе с тем для респондента четко заявленная этническая идентичность не является главным основанием для республиканской идентичности. Так, на вопрос «Кого Вы относите к татарстанцам прежде всего?» был дан ответ: «Все, кто живет в Татарстане. Именно поэтому, ... когда мы говорили “давайте сохраним татарский язык”, нам отвечали типа “Что вы за счет русских татарский

сохраняете?” Мне не совсем понятен этот тезис. Мы хотим, чтобы татарский сохранялся и развивался не за счет русских или там татар, а за счет татарстанцев, просто потому, что республика – это единственное место, где язык обитает, все. ... Просто, если ты русскоязычный и не хочешь учить татарский, понятно, что ты можешь выбирать, есть огромная Россия, а у нас выбора нет. ... Соответственно, это не столько за счет них, а благодаря им и благодаря их помощи. ... Это обидно, когда, например, люди напрягаются, когда ты говоришь на своем родном языке, хотя ты же не с ними говоришь, ты стоишь с ним рядом. ... Хотя, по идее, знай ты пару слов, таких ситуаций не было бы в принципе, поэтому, я уверена, что хоть чуть-чуть, но знать надо». В этом плане республиканская идентичность способна фундировать этническую (языковую) в случае взаимной толерантности основных общин РТ.

Респондент поднимает очень важную и новую проблему большей приверженности общероссийским ценностям именно в среде маргиналов, выходцев из села: «Причем здесь нужно понимать, что не все татары как-то сильно расстраиваются из-за отмены татарского языка. Есть огромное количество татар, тех же самых деревенских татар, которые в первом поколении живут в городе, которые еще не преодолели свой собственный языковой барьер в русском языке, которые, наоборот, радуются тому, что их дети, во-первых, не учат татарский, типа, вот будут учить только русский, будут знать его лучше... Вот есть такой феномен, типа, комплексы деревенских татар, что они, типа, “Балам, вот учи, пожалуйста, только там русский, чтобы у тебя не было таких проблем, как у меня”». Для этой категории свободное владение русским языком воспринимается в качестве канала преодоления своего маргинального статуса и вхождения в группу с господствующим языком, становящемся маркером овладения общегосударственной, межэтнической и корпоративной культурами, что позволяет делать карьеру и добиться успеха на любом уровне в РФ.

На вопрос о соотношении идентичностей респондент № 2 ответила после долгого размышления: «Мне кажется, татары не делают такого разделения. Они обычно, когда едут за границу, говорят: “I am from Russia, but I am not Russian” (Я из России, но я не русский – авт.). ... То есть нет вот такой территориальной привязки именно к Татарстану, в ней особой необходимости нет, потому что основная часть татар, в принципе, она живет за Татарстаном... потому что по нашим законам... тебя должны обеспечить родным языком. Если раньше разница была в том, что все в РТ учили татарский язык, то теперь этой разницы нет». Таким образом, заметно снижение необходимости в

государственности республики в условиях отказа от такой специфики РТ, как равное по объему изучение двух языков всеми школьниками.

Анализ интервью информанта-татарки с гуманитарным образованием показывает как наличие общегосударственной, республиканской и этнической идентичностей, так и падение значения первых двух в силу разочарования в политике РФ и РТ.

Контрастируют с мнением вышеуказанного информанта суждения информанта № 3 (русская, 45 лет, образование высшее): «Я думаю, что у нас в Татарстане все мирно, тихо, и спокойно. Это очень радует, что русские и татары живут в мире. Даже вот взять мое окружение, у меня очень много друзей – “чистокровных” татар, но разница наций нам никак не мешает общаться. Очень хорошо, что у нас в республике сейчас такая обстановка мирная, пусть будет так и дальше». Показательно, что четкая этническая идентификация не только не мешает поддержанию межэтнической толерантности, но и стала базисом для такого поддержания, когда люди уважают другие этносы и дружат с их представителями, будучи уверенными в защищенности своих этнических прав. Последние события, связанные с реформой в изучении языков в РТ, для таких людей никак не повлияли на их этническую идентичность и на межэтнические отношения.

Как и остальные информанты, данная опрошенная показывает четкую российскую идентификацию: «Я люблю свою страну, свой народ, может, и не со всем согласна, но никуда не уеду». Тем самым почти все опрошенные, критически относясь ко многим аспектам политики властей, сохраняют чувство общероссийского патриотизма. Вместе с тем данный информант признает зависимость степени развитости данного социополитического чувства от общественной атмосферы, пропаганды и социоэкономической ситуации: «Почему-то чем младше поколение, это мое мнение, то патриотизма меньше остается... Может, это зависит и от школы, потому что когда мы раньше учились, нам прививали чувство патриотизма, были мероприятия какие-то интересные организованы... Раньше мы воспитывались на таких патриотических фильмах, обсуждали их, какие-то уроки, выводы из этих фильмов делали».

Что касается республиканской идентичности, то информант относится к такого рода русским, у которых она формируется на основе происхождения, проживания, привычек, *modus vivendi*: «Ну все между собой связано, потому что Татарстан находится в России, Казань находится в Татарстане, к тому же мы все россияне, привязанность к Казани только та, что мы тут родились, выросли, тут родственники, друзья, родные места, это, можно сказать, родина, а человек всегда к родине привязан». Понятно, что у русских республиканская

идентичность играет меньшую роль, поскольку не фундирована необходимостью защиты этнических интересов со стороны именно властей РТ.

Несколько иной подход к республиканской идентичности прослеживается у информантов-татар, даже в случае отсутствия сильной этнической и языковой идентификации. Так, по мнению информанта № 4 (татарка, 38 лет, образование высшее техническое), «Уникальная у нас республика, столько национальностей, мне кажется, что мы прекрасно уживаемся все, нет такого деления, конфликтов межнациональных». Информант признает, что резкие изменения в изучении языков «оказывают влияние не только на обучение, но и на отношения между людьми разных национальностей, они обостряют эти отношения, я считаю, что нельзя такие реформы проводить, последствия только негативные». Вместе с тем опрошенная выступает против принудительного навязывания татарского языка и за создание всех возможностей для его изучения, тем более что многие дети хотят его знать.

Подобный диалектический подход сказывается у информанта на уровне ее общероссийской идентичности: «По натуре я – патриот, но даже с моим патриотизмом, в связи с последними событиями, я теряю чувство патриотизма, теряю доверие к властям. Если бы у меня была возможность, то я бы уехала из страны..., сейчас меня бы подталкивало больше неуважение к гражданам России». Отвечающая основывает свой патриотизм больше на примордиалистском фундаменте («Это ведь наша родина, мы тут родились, тут наши предки, наверное, это чувство объединяет всех нас»), но признает возможности его развития в случае усиления России в экономике, спорте и – главное – в социальном развитии («обидно, что у нас такая богатая ресурсами страна, и люди живут так бедно, обидно, что социально не защищенное у нас население»).

Примечательно, что названные потенциальные драйверы развития общероссийского патриотизма оцениваются информантом как актуальные основы республиканской идентичности: «Совсем, конечно, я не отделяю РФ и РТ, но из всех субъектов Российской Федерации мне кажется, что нам повезло, что мы живем именно в Татарстане, я считаю, что у нас более благоприятные условия жизни и более высокий уровень жизни. Это заметно, когда мы выезжаем в командировки по России и видим, в каком состоянии другие регионы».

Таким образом, проведенные интервью показали различия в оценках разных категорий русских и отдельных групп татар в отношении основ республиканской идентичности и в уровне развитости межэтнической толерантности. В то же время при анализе материалов интервью можно сделать выводы о сохранении этнической идентичности и ее языковых основ как консолидирующего население Татарстана

бэкграунда информантов и об амбивалентной природе общероссийской идентификации, связанной с примордиалистскими и культурными корнями и неприятием социоэкономической политики властей. При этом одни и те же основания для развития республиканской и общероссийской идентичности могут оцениваться информантами актуальными как в отношении РТ, так и в отношении РФ.

Литература:

1. Maximova O.A., Belyaev V.A. Generational Indigenation In A Multi- Ethnic And -Religious Society (Tatarstan, Russia) // Опцион. – 2017. – Т. 33. – № 84. – Р. 38-64.
2. Михайлов В.В. Республика Татарстан: демократия или суверенитет? – М.: ПМЛ Института Африки РАН, 2004. – 466 с.
3. Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан / А.Л. Салагаев, С.А. Сергеев, Л.В. Лучшева; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: КНИТУ, 2011. – 252 с.
4. Беляев В.А., Ахметшина А.А. Современные социально-политические проблемы / Под ред. В.А. Беляева. – Казань: Изд-во КНИТУ-КАИ, 2015. – 292 с.
5. Ларионова И.В., Максимова О.А. Факторы этнической толерантности в Республике Татарстан: поколенческий аспект // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 226-230.
6. Татарстан на перекрестке мнений / Мухаметшин Ф.Х., Лозовой А.П., Исаев Г.А., Комлев Ю.Ю., Салахова Р.С. – Казань: Изд. Верховного Совета РТ, 1993. – 175 с.
7. Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г. История Татарстана. XX век. 1917-1995 гг. IV часть: уч.пособие для общеобразовательных заведений. – Казань: Хэтер, 1998. – 416 с.
8. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань: Татарское книжное издательство, 2008. – 455 с.
9. Хакимов Р.С. Сумерки империи: К вопросу о нации и государстве. – Казань: Таткнигоиздат, 1993. – 87 с.

Ethnic and State Identity and Inter-Ethnic Tolerance of the Population in the Republic of Tatarstan in the Context of Transformations in the Bilingualism Policy

A.A. Akhmetshina, V.A. Belyaev

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

The article is based on a number of interviews conducted with informants of Russian and Tatar nationality, having higher education of different orientation, within the framework of the grant of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Tatarstan. The analysis of the interviews revealed that all informants have a strong ethnic identity that strengthens inter-ethnic tolerance under certain conditions. Republican and all-Russian identifications are based on primordialist and cultural grounds; that said the foundations of identifying informants with the republic depend on their nationality, while all-Russian patriotism is assessed ambivalently.

Key words: ethnic and linguistic identity, primordialist and cultural bases of identification, republican and national identity, ways of maintaining inter-ethnic tolerance.

